

ция М. В. Мосина окажет мордовским и эстонским языковедам большую услугу.

Хотелось бы обратить внимание автора на два момента. Во-первых, не всегда рассуждения о материальной и духовной культуре предков мордвы и эстонцев подтверждаются языковыми или другими фактами (стр. 201, 233 и др.). Во-вторых, нуждается в уточнении сама терминология названий лексико-семантических групп. Нам думается, правильнее было бы вместо «терминология мышления»

(стр. 218) написать «термины (слова), связанные с мышлением», вместо «терминология речи» — «термины (слова), связанные с речевой деятельностью человека» и т. д.

В целом диссертация М. В. Мосина представляет собой содержательное исследование, имеющее большое значение для финно-угроведения. Было бы целесообразно опубликовать это исследование после тщательной редакции.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1972.2.13>

А. П. Баранцев, *Фонологические средства людиковской речи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1970.*

14 сентября 1971 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником сектора языка Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР А. П. Баранцевым на тему «Фонологические средства людиковской речи». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент В. С. Суханова (Петрозаводск).

В своем исследовании А. П. Баранцев рассматривает мало и слабо изученный до настоящего времени раздел карельского языка — фонологические средства людиковской речи. Автором собран материал со всех участков распространения людиковской речи, но в основу диссертации легли прежде всего святозерские говоры (в первую очередь говор дер. Пелдожя, точнее — его диалект). Компетентности описания диалекта способствовало, несомненно, то обстоятельство, что автор работы является уроженцем этой местности.

Финно-угорские языки в целом до сих пор еще мало изучены с позиции их фонологического описания, причем изучение фонологии карельского языка (если не считать одной дипломной работы о собственно карельском диалекте, написанной студенткой Тартуского государственного

университета) фактически еще не начато, поэтому настоящее исследование своевременно и актуально. Вместе с тем диссертация А. П. Баранцева имеет важное теоретическое и практическое значение с точки зрения применения и комплексного использования современных методов научного исследования. Следует особо подчеркнуть, что А. П. Баранцев является первым советским финно-угроведом, применившим в своем исследовании вычислительную технику.

Изучением людиковской речи, представляющей большой научный интерес с точки зрения общего языкознания, начиная с А. Генетца в течение столетия занимались преимущественно финны. Описанию звукового строя этого диалекта посвящена даже одна объемистая докторская диссертация (А. Турунена), защищенная четверть века тому назад. Однако, как уже указывалось выше, диссертация А. П. Баранцева имеет во многих отношениях особое значение, так как свидетельствует о значительных сдвигах как в самом методе исследования, так и в личности исследователя.

Диссертация А. П. Баранцева занимает 406 + 23 страниц машинописного текста, к которому приложены две карты. Следует отметить, что диалектные записи, составляющие 132 страницы, служат фактическим материалом для применения использованной в диссертации фонематической статистики.

Диссертация начинается большим по объему введением (стр. 1—49), в котором говорится о людиках, их диалекте и посвященных его изучению работах. Попутно автор останавливается и на вопросе двуязычия. Затем указываются цель и задачи, дается общая характеристика «текста» и описываются фонетические и морфологические особенности людиковской речи, что служит необходимой подготовкой для последующего систематического рассмотрения и ознакомления с фонологическим инвентарем данного диалекта.

Характеризуя своеобразие грамматического строя людиковской речи, автор ссылается в ряде случаев на историю языка, что лишь увеличивает положительное значение диссертации. Вместе с тем следует признать уместными и сопоставления данных изучаемой людиковской речи с данными основных диалектов карельского языка, а также других людиковских говоров.

В целом введение выполнено диссертантом в высшей степени корректно — возражения рецензента касаются лишь следующих вопросов. На стр. 23 в схеме склонения не приведены падежные формы комитатива (*akanke* 'с женой') и аппроксиматива (*akalloh* 'к жене'), а также другие более поздние по происхождению падежи. Хотя исходной в данном случае и является постпозиция, такая форма, как *akalloh* (возникшая из *akan loh*) с ее ярко выраженными фонетическими изменениями свидетельствует о том, что мы имеем дело с новой грамматической категорией, которую и в случае чисто синхронного подхода следует все-таки учитывать.

Основная часть рецензируемой диссертации состоит из двух разделов: 1) Семантические средства (стр. 50—221) и 2) Просодические средства (222—262). Каждый раздел делится на главы, причем в ряде случаев описание иллюстрируется наглядными схемами и итоговыми по своему характеру таблицами. Следует указать, что в основной части работы А. П. Баранцев также проявляет прекрасное знание дела, широкую осведомленность в области фонологии карельского языка. Умелое использование методических приемов, а также основательное изучение специальной литературы придают данно-

му научному исследованию большую ценность. Замечания рецензента по основной части работы касаются лишь некоторых частных деталей.

В списке литературы перечисляются фонологические исследования, посвященные другим финно-угорским языкам, но не указана упомянутая выше рукописная дипломная работа по собственно карельскому диалекту (А. Лаагус, Фонология дёржской речи карельского языка, Тарту 1968; на эстонском языке). Ознакомление с этой работой несомненно позволило бы автору диссертации провести известные параллели по линии фонологического инвентаря. Следовало бы ознакомиться также с проблематикой докторской диссертации А. Буссениуса («Zur ostseefinnischen Morphologie: Stammesalternation im Ostseefinnischen», Berlin—Leipzig 1939). В своей диссертации А. П. Баранцев без достаточных оснований причисляет к синкопе и такие грамматические формы, которые в действительности к ней не относятся, например: (*ei tiennü* 'не знал', (*ei tutaiš* 'не признали бы', *letäh* 'летят' и др. (стр. 36). В этих формах мы имеем дело не с основой на гласную (*ei tiedänü* 'не знал' и другие, а с так наз. основой на согласный звук. Нельзя говорить о синкопе и в слове *kelle* 'кому', в котором основа на *ke-* имеет исконное происхождение.

На стр. 60—80 приводится инвентарь фонем (он включает 41 единицу), который иллюстрируется безукоризненно составленными таблицами. На этих страницах даны: 1) матрица бинарных дифференциальных признаков людиковской речи и 2) порождающее дерево людиковских фонем. В той же главе особо рассматривается интерпретация заимствованных звуков. Русские заимствования автор сопровождает особой пометой (°), которая ставится перед словом, что можно только приветствовать, но в ряде случаев этот значок, видимо, опущен или забыт. Так, на стр. 200 его нет при словах *asjalite* 'асфальт', *ari'teli* 'артель' и др.

В главе «Фонетическая аттестация фонем» следовало бы затронуть вопрос о свехкраткости звуков, так как этого требует более детальное описание и вычленение таких слов, как *talüoi* 'дом', *ramkke* 'рамка' и ряда других.

Особенно удавшейся следует признать главу «Бинарные дифференциальные признаки» (стр. 75 и сл.), в которой автор придерживается установок и метода Р. Якобсона и М. Халле.

В следующих за этой главой частях работы (3—8) идет речь об анализе дистрибуции сегментных фонем (стр. 81—205). Встречаемость фонем в различных позициях в слове иллюстрируется автором с помощью таблицы (стр. 93), в которой приводятся также статистические данные относительно их распределения.

Описание типов людиковских слогов, а также дистрибуции фонем и бинарных пар фонем составлено с достаточной обзорностью в целом, причем снабжено примерами и иллюстрирующими фактические данные таблицами. Однако на стр. 113 под пунктом 5 автором опущен структурный тип VV (типовое слово *iä-ni* 'голос' и др.). В потоке речи мы сталкиваемся с транслативом на *-ks* (ср. на стр. 107 односложную форму *vüöks* 'поясом' и др.), поэтому возникает вопрос, не имеем ли мы дело с оканчивающимся на две согласные слогом также и в двусложных и многосложных словоформах (напр. *kua-düoiks* 'кальсонами', CVV — CVVVCC и др.).

Дистрибутивная классификация фонем проводится по методу Э. Фишер-Йоргенсен. Отметим, что в одной из ранних работ А. П. Баранцева (1966 г.) инвентарь людиковских согласных фонем равнялся 28 единицам — в диссертации во всех отношениях обоснованно идет речь уже о 33 единицах. Особенного внимания заслуживают результаты проведенных автором с помощью различных способов математических вычислений. Для этого А. П. Баранцев прибегает к методу исчисления распределения фонем, разработанному лингвистами Ф. Херари и Г. Г. Пейпером (глава 6).

Девятая глава (стр. 206 и сл.) посвящена проблеме частотности фонем и анализу их сочетаний и сочетаемости. В этой главе устанавливается частотность одиночных фонем и фонемных сочетаний в корпусе высказываний, который состоит из 6300 слов. Частотность одиночных людиковских фонем и бинарных сочетаний подсчитана автоматически на ЭВМ «Минск-22».

Выясняется, что наиболее частой фонемой людиковской речи является *i*, за которой следуют *a*, *e*, *n*, *u*, *o*, *t* и др. Автор со своей стороны указывает, что 6300 слов — не достаточное количество для всестороннего и детального вычисления частотности, что ошибки неизбежны и т. д. Добавим, что при заключительных выводах следовало бы привести не только абсолютные числа, но и процентные данные. Однако, учитывая новизну самой разработки данной проблемы, указанные недочеты должны быть отнесены к мелочам.

При анализе просодических средств диссертант придерживается малоизвестной в Советском Союзе методики Дж. Р. Ферса. В описании и характеристике весьма сложных и трудноуловимых просодических явлений людиковской речи автору удается также найти верный подход к делу — с его концепцией в этой области фонологии изучаемого диалекта трудно не согласиться.

В конце каждой главы автор подводит итоги, и поэтому, очевидно, он не счел нужным дать общие выводы в конце работы. Думается, что это было бы все-таки целесообразно.

Можно пожалеть вместе с тем, что приведенные в конце диссертации диалектные тексты не переведены на русский язык. Хотя это и увеличило бы объем работы, но в целом было бы полезно.

Отдельные недочеты, встречающиеся в диссертации А. П. Баранцева, ни в коей мере не снижают значительных ее достоинств.

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что диссертация А. П. Баранцева свидетельствует о научной компетентности ее автора в области дескриптивного описания и исследования фонологической структуры людиковской речи. Данное исследование имеет особенно важное значение с точки зрения комплексного применения новых научных методов. В области советской фонологии карельского языка оно является, несомненно, качественно чем-то совершенно новым, причем автор впервые в советском финно-угроведении использует в своей работе и методику вычислительной техники.

ПАУЛЬ АЛВРЭ (Тарту)